

ДЬЯВОЛ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ

«Личное дело игрока Рубашова» и «Женщина-птица» Карла-Йоганна Вальгрена

КИРИЛЛ РЕШЕТНИКОВ

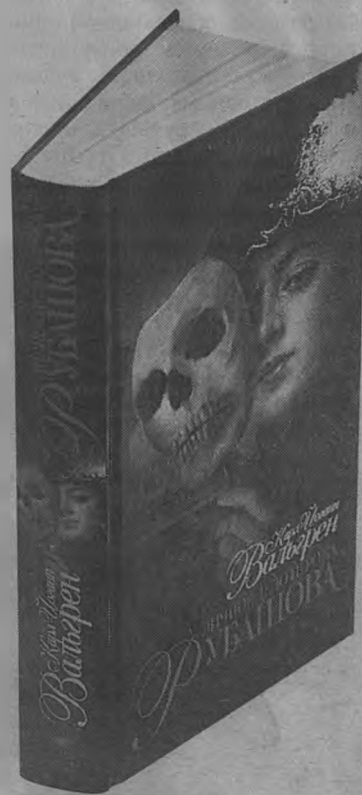
Шведский прозаик и бард Карл-Йоганн Вальгрэн стал известен в России в прошлом году, когда у нас был опубликован «Ясновидец» (русская версия книги была переиздана под более близким к оригинальному названию — «История удивительной любви чудовища»). Теперь нам доступны две более ранние книги Вальгрена, вполне гармонирующие с «Ясновидцем» и позволяющие лучше понять, что же представляет собой проза новоявленного человека-бестселлера.

Вальгрена у нас переводят в обратном порядке: русского читателя последовательно познакомили с его романами, появившимися в 2002, 1996 и 1991 годах. Может быть, оно и правильно — после отмененно длинных эпико-мистических историй, насыщенных полуреальной фактологией и произведших общеевропейский фурор, можно прочесть и давнюю «Женщину-птицу», чтобы понять, от чего неугомонный швед пришел к своим домотканым полотнам.

«Личное дело игрока Рубашова» и «Ясновидец» — близнецы-братья. Конкурент Джоан Роулинг, сочинитель детских сказок Филипп Пулман учит, что пе-

ред написанием книги автор должен тщательно изучить фактический материал, а потом, выбросив все свои фотокопии и конспекты в мусорное ведро, начать писать то, что придет в голову. Вальгрэн вроде бы то и дело поступает согласно второй из этих заповедей, но конспекты не выбрасывает. Он с завидной ловкостью находит люки и полуосвященные ходы в исторических подземельях, чтобы дать своему герою отметиться всюду, где только можно, желательно поблизости от общеизвестных персон, мест и событий. Задача-максимум — протащить персонажа сквозь мясорубку четко очерченной большой эпохи, получив на выходе пропорциональную смесь из проникновенных этико-философских выводов и лирического катарсиса. Что Вальгрэн умеет, так это создавать атмосферу. Может быть, поэтому его Агасферы выглядят более органично, чем, скажем, акунинские Штирлицы и поручики Ржевские.

Заставший почти весь XIX век уродец-телепат в «Ясновидце» — хорошо; но измороженный XX веком и физически бессмертный русский — не правда ли, лучше? Николай Рубашов получает бессмертие в 1900 году в возрасте тридцати лет, устроив себе встречу с дьяволом и проиграв ему душу в покер. Прозвучал гонг завязки — и понеслось: богатство и счастье, жизненный крах, оккультные искания, окопы Первой мировой, ужасы гетто и закрытых нацистских проектов, отшельническое существование на ничейной земле между Западным и Восточным Берлином, кошмары европейских горя-

Карл-Йоганн Вальгрэн. Личное дело игрока Рубашова/Пер. со шв. С. Штерна. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — 573 с.

Карл-Йоганн Вальгрэн. Женщина-птица/Пер. со шв. С. Штерна. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — 318 с.

чих точек — Северной Ирландии и Боснии, апатия, многочисленные и безуспешные попытки себя уничтожить. Из этого водоворота иногда выныривают сшитые на живую нитку, но объемные и узнаваемые образы всамделишных героев века — например, помогающий Рубашову Распутин или тяжело пережива-

ющий встречу с бессмертным русским черный маг Алистер Кроули. Неприкаянным мудрецом-безумцем сквозь повествование проносятся другой бессмертный — добродушный алхимик Парацельс, трансформирующийся из старика в младенца и чем-то неуловимо напоминающий Алексея Хвостенко.

Эксплуатация затасканных сюжетов, а также некоторый популизм и обилие клише искупаются поэтическим языком и хорошей ориентацией в материале. А еще красноречивыми наблюдениями дьявола, который следует за героем в разных обликах и тщательно документирует его историю. Тот же дьявол походя открывает нам авторский замысел, характеризуя Рубашова как персонаж-символ, и даже прилагает собственную автобиографию. Но о своем литературном дедушке Воланде, конечно, умалчивает.

Не говорит он и о том, что главный герой по имени Николай Рубашов уже появлялся в романе Артура Кестлера «Слепящая тьма».

«Женщина-птица» — роман о шведских провинциалах, у которых, как ни крути, не складывается жизнь. Здесь тоже охвачена определенная эпоха (1980-е от начала до конца), а брату главной героини, мечтающему стать великим гитаристом, во сне является дьявол. Можно остаться в тихой северной дыре или отправиться на поиски давно потерявшегося родственника, а можно, подобно мятежной Кристине, уехать в Париж и дальше в Индию, чтобы обернуться там птицей (или скорее возомнить себя ею на наркотической почве), — конец все равно один: тупик. Сам Вальгрэн, тоже проводивший юные годы в Индии, этого тупика избежал. Сейчас популярному писателю хочется только пожелать не сделаться гиперпопулярным, чтобы остаться привлекательной антитезой коллективному Козлю.